

Мария Рыжова,
движение «Суть Времени», координатор проекта «Шаги истории»

ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ. ОПЫТ АНТОНА МАКАРЕНКО

Одним из своих важных завоеваний Макаренко считал тот факт, что из его коммун вышли люди, привыкшие трудиться.

После распада СССР процессы разрушения культуры и образования в нашей стране шли так стремительно, что сейчас, имея дело с молодыми людьми, уже нельзя поручиться, что они читали «Трех мушкетеров» Дюма. Но это только часть проблемы. Снижение культурного уровня, сужение круга интересов, отсутствие навыков совместной деятельности приводят к тому, что сначала люди не могут строить коллективы, а потом и просто элементарно общаться с соседом.

Как сейчас решить проблему построения коллектива? Да еще в условиях, когда это строительство не должно превратиться в долгострой? В СССР в 20–30-е годы XX века этот вопрос решили. Сразу после окончания Гражданской войны в России начался важный социальный эксперимент — было создано несколько детских коммун: коммуна для подростков, попавших в исправительные учреждения (Большевская коммуна), и коммуны для беспризорников (Колония имени Горького и коммуна имени Дзержин- ▶

ского). Создание специальных учреждений для беспризорников было вызвано наличием в СССР большого числа детей, оставшихся после Первой мировой и Гражданской войны без родителей: в 1922 году в стране насчитывалось около семи миллионов малолетних бродяг.

Первая коммуна была создана в 1921 году в трудовой колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Колония находилась в селе неподалеку от Полтавы и была названа в честь Максима Горького, ставшего одним из инициаторов борьбы с беспризорностью. Колония имени Горького просуществовала до 1926 года. За пять лет стараниями ее главы, Антона Семеновича Макаренко, в колонии были выработаны принципы существования, навсегда выдержавшие детей из кочевой стайной протосоциальной среды, в которую их бросили ужасы беспризорщины.

На каких принципах стоилась жизнь в горьковской коммуне?

Дети в коммуне не только учились, но и работали. И учеба, и работа были обязательными для всех. Сначала коммуна занялась сельским хозяйством. Добившись роста урожая пшеницы, в коммуне занялись также животноводством. А на доходы был построен театр, в котором каждую неделю шли спектакли, поставленные коммунарами для деревенских жителей.

Одним из главных внутренних принципов существования коммуны был принцип самоуправления. Все члены коммуны были разбиты на отряды. Отряды эти образовывались не по производственному и не по учебному принципу — сделано это было для того, чтобы не дать членам отряда сконцентрировать внимание только на одном, интересном для них аспекте жизни коммуны. Кроме того, в отряд входили дети разных возрастов, что давало возможность старшим учить младших и обеспечивало преемственность поколений.

Макаренко считал, что оптимальное число людей в отряде — от 7 до 15 человек. Каждый отряд имел свое место в столовой и свое спальное место. Командиры отрядов собирались раз в неделю для решения хозяйственных и организационных вопросов. Кроме того, в коммуне регулярно проходили собрания всех ее членов.

В 1926 году Макаренко принимает решение перенести коммуны имени Горького в Куряжскую колонию под Харьковом. Решение это было связано с тем, что члены коммуны хотели осваивать рабочие специальности, а

местоположение коммуны — отсутствие поблизости заводов — накладывало ограничение на ее дальнейшее развитие. Куряж был хорош тем, что в нем была электростанция, много земли вокруг, уже готовые мастерские (колония располагалась в монастырском здании).

Но решение Макаренко о переезде было всё же неожиданным для колонистов, так как куряжская колония находилась в полуразрушенном состоянии. Плюс к тому ее воспитатели фактически потеряли контроль над своими воспитанниками, а их было около трехсот человек.

Местные власти предлагали Макаренко идти по пути постепенной интеграции одного коллектива в другой. Но Макаренко не признавал никакой постепенности. Он исповедовал свой метод — «метод взрыва». Суть его заключалась в том, что на человека оказывалось сильное разовое воздействие, призванное вызвать в нем решающие изменения. С помощью этого метода педагогу удалось не просто навести в Куряжской колонии порядок — ему удалось это сделать в рекордно короткий срок.

Уже спустя несколько месяцев колонию посещали иностранные делегации, изучавшие опыт ее устройства и удивлявшиеся хорошо налаженному хозяйству.

Чтобы уточнить, о чем идет речь, когда говорится о «взрывном» воздействии, надо привести разъяснение самого Макаренко. «Взрывом я называю доведение конфликта до последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тягбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос — или быть членом общества, или уйти из него».

«Ребром» в методике Макаренко вопрос ставит сам коллектив. Поэтому очень важно, чтобы коллектив был. И не просто был, а был готов перестраивать окружающий мир и попадающих в его орбиту людей в соответствии со своими принципами.

У Макаренко костяк такого коллектива сложился в первом поселении. И этот костяк смог повлиять на изменение обстановки на новом месте — в Куряже, а потом последовал за Макаренко в новое место — в образованную им в 1927 году коммуну имени Дзержинского.

В коммуне Дзержинского метод «взрыва» использовался, в частности, в момент, когда нужно было набирать в коммуну новых членов. На железнодорожные вокзалы выдвигался небольшой отряд из коммунаров. Коммунары собирали беспризорных, путешествовавших на поездах, и прямо предлагали им идти работать в коммуну. Если беспризорники соглашались (а они, как правило, соглашались), то немедленно происходил обряд их принятия. Обряд, целью которого было удивить, потрясти, то есть задействовать «метод взрыва».

Как только беспризорник соглашался войти в общину, к нему подходил весь отряд коммунаров: парадно одетые ребята, со знаменем и с оркестром. В честь вновь прибывшего члена коллектива они выстраивались в шеренгу, играли на музыкальных инструментах и все вместе торжественным маршем направлялись в коммуну.

В коммуне новых членов ждало очередное потрясение. Их мыли, одевали в новую, чистую одежду, а старую одежду сжигали. Чем это не обряд инициации? Для нового члена коллектива начиналась другая жизнь, старую жизнь символически сжигали в огне.

Вот как описывает свои впечатления от коммуны Иван Токарев, один из воспитанников Макаренко. «На террито-

рии кругом клумбы с цветами, дорожки из асфальта, чистота и красота. Постригли нас под машинку, помыли, старую одежду сожгли и выдали новую, чистую: гамаши, полугалифе, тюбетечку. Смотрю в зеркало — сам себе нравлюсь! Бежать от такой красивой и сытой жизни никому и в голову не приходило. Но для того, чтобы так красиво жить, нужно было учиться и работать... Все, кто старше тринадцати лет, работали, младшие — нет, они были у старших на посылках».

Макаренко придавал большое значение порядку, чистоте и эстетической стороне жизни в коммуне. По его мнению, внешний облик, детали, мелочи — всё это создавало общий стиль. А у коллектива, считал Макаренко, обязательно должен быть стиль. Это одно из его неотъемлемых свойств.

Одной из «мелочей», на которую в коммуне обращали особое внимание, была одежда. На уроки в школу преподаватели и ученики ходили в самой хорошей одежде. Макаренко отмечал: «Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива». Кроме того, Макаренко говорил: «Стремление к красоте, крепко заложенное природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре».

Но коллектив появлялся не только благодаря заботе о внешнем виде и за счет благоустройства окружающего пространства. Обряд инициации предполагал внутренние перемены. Прежде всего, новый член коллектива оставлял вонючие все свои плохие привычки: материться, пить, плевать, ругаться и так далее. Но это были только самые элементарные вещи. А обучаться приходилось и более сложным вещам: в коммуне были приняты строгие правила поведения, и дисциплина была приближена к военной.

По мнению Макаренко, дисциплина была неотъемлемым качеством хорошо воспитанного человека. Правила дисциплины в коммуне существовали одинаково для всех: и для преподавателей, и для их воспитанников. Без внимания не оставались даже самые незначительные отступления от общих правил и требований.

Члены коллектива, неукоснительно выполнявшие все правила, а также поддерживавшие соблюдение этих правил другими членами коллектива, становились ядром коллектива, ядром, на которое опирались пе- ▶

дагоги, ядром, дававшим возможность безболезненно интегрировать в коллектив новых членов, ввести в коллективе принципы самоорганизации. Так как самоорганизация была основана на том, что сильный коллектив устанавливал нормы поведения и следил за тем, как они выполняются.

В коммуне сложилась ситуация, при которой с членов ядра коммуны спрашивали за проступки гораздо строже, чем с рядовых ее членов. Более того — такой жесткий спрос был в коммуне не обузой, а желанным признанием своей роли, доказательством того, что к тебе относятся как к ответственному, сознательному члену коллектива, как к человеку, входящему в ядро коллектива. В качестве крайней меры воздействия в коммуне существовала практика исключения. Но случаи исключения были очень редки.

Ученики Макаренко показали, что способны в кратчайшие сроки обжиться практически в любых условиях. Созданная в декабре 1927 года под Харьковом новая коммуна Макаренко — коммуна имени Феликса Дзержинского — бедствовала только первые месяцы. Имевшихся средств для существования — добровольных взносов работников ОГПУ — не хватало. Все члены коммуны (60 человек) размещались в одном доме. Уже в течение первого года жизни коммуны было организовано сельскохозяйственное производство, позволившее сначала прокормиться самим, потом — скопить немного денег и начать думать о производстве.

В 1928 году, решая, какое производство нужно организовывать в коммуне, Макаренко остановился на том, что надо производить товары, которых нет на советском рынке. Плюс это должно быть производство, которое позволит коммунарам овладевать сложными профессиями.

В итоге в коммуне имени Дзержинского коммунары построили первый в СССР завод электроинструментов, а еще чуть позже создали производство фотоаппаратов. Коммуна не только обеспечила все свои нужды, но и отдавала в бюджет государства четыре с половиной миллиона рублей в год.

К сожалению, в июле 1935 года Макаренко был вынужден покинуть и эту коммуну, как перед этим он покинул коммуны в Куряже. Он переехал в Москву и много времени посвящал написанию книг. В 1938 году коммуна

имени Дзержинского была реорганизована в промышленный комплекс — Харьковский комбинат НКВД СССР имени Дзержинского. А в апреле 1939 года Макаренко скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Работа Макаренко с детьми вызывала в России и в мире и критику, и восхищение. Большую поддержку Макаренко оказывал М. Горький, положительно писали о его опыте работы с детьми Л. Арагон, А. Барбюс и другие. Критические высказывания по поводу военизированной системы воспитания Макаренко звучали со стороны Луначарского, Крупской.

Одним из своих важных завоеваний Макаренко считал тот факт, что из его коммун вышли люди, привыкшие трудиться. Макаренко отмечал: «Мои горьковцы тоже выросли, разбежались по всему советскому свету, для меня сейчас трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймашь инженера Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовешь на свидание врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна. Даже Нисин и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов...»

Этот же немаловажный факт отмечает и воспитанник Макаренко Токарев: «Директор музея Макаренко в Кременчуге Петр Лысенко специальное исследование провел — собрал информацию о 241 выпускнике коммуны. Все они стали хорошими людьми. Понимаете, в коммуне нельзя было быть плохим учеником или работником. Из-за твоей «двойки» страдал весь отряд. По вечерам итоги дня подводились в «громком клубе», за твою «двойку» или брак в работе с тебя могли спросить твои же товарищи. Скажут: из-за тебя мы меньше денег заработаем и теперь не поедем отдыхать... Вот поэтому все старались учиться и работать хорошо».

Но дело было, конечно, не только в поощрениях: в зарплате или поездках на отдых. Из коммуны вышли хорошие люди, потому что Макаренко удалось их воспитать в культуре труда, в культуре уважения к своей рабочей профессии, в культуре внутренней собранности. В каком-то смысле, ему удалось создать трудовые коллективы, о которых в свое время мечтали Оуэн и Фурье.